

Научная статья
УДК 343.14
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-66-74>

О непонятном в понятии доказательств

Поляков Михаил Петрович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, polmihpet@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена понятию доказательств в уголовном процессе. Автор обращает внимание на разнообразие терминологии. Пытается выяснить причину различных смыслов, которые вкладываются в термины «доказательство» и «доказательства». Рассматривается вопрос о необходимости понятия доказательств в тексте уголовно-процессуального закона. Для объяснения природы понятия доказательств используются работы процессуалистов, формировавших это понятие до того, как укрепилась информационная модель доказательств. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на развитие теории доказательств и историческую преемственность ее положений, в понятии доказательств по-прежнему остается много неясного.

Ключевые слова: доказательства, доказательство, информационная модель доказывания, средств доказывания, источники доказательств

Для цитирования: Поляков М. П. О непонятном в понятии доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 66–74. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-66-74>.

Original article

About the incomprehensible in the concept of evidence

Michael P. Poliakov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, polmihpet@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the concept of evidence in criminal proceedings. The author draws attention to the variety of terminology. Tries to find out the reason for the different meanings that are put into the terms “proof” and “evidence”. The question of the necessity of the concept of evidence in the text of the criminal procedure law is considered. To explain the nature of the concept of evidence, the work of processualists who formed this concept before the information model of evidence was strengthened is used. The author comes to the conclusion that despite the development of the theory of evidence and the historical continuity of its provisions, there is still a lot of uncertainty in the concept of evidence.

Keywords: evidence, proof, information model of proof, means of proof, sources of evidence

For citation: Poliakov M. P. About the incomprehensible in the concept of evidence. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 66–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-66-74>.

“*Dura lex, sed lex*”. Эта древняя формула безупречности закона известна многим. Вполне вероятно, что когда-то она останавливала юристов от критики закона. Теперь иные времена. Ныне в научной среде не считается зазорным упрекать закон. Напротив, благоговей перед законом считается дурным тоном. Критика закона есть форма современной научной доблести. Уголовно-процессуальный закон не является

исключением. Его нещадно жуют за разные промахи и огрехи, коих он, естественно, не лишен.

В вину Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ), кроме прочего, ставится излишняя теоретичность, выражающаяся в избытке дефиниций, не имеющих прикладного процедурного значения. Действительно, наукообразных конструкций нашему кодексу не занимать. Из них

© Поляков М. П., 2023

можно составить целый юридический словарь. Но так ли уж велик этот грех? Такой ли уж это бесполезный изъян отечественного уголовно-процессуального закона? Представляется, что оценка норм-определений вряд ли может быть однозначно недружественной. Если вдуматься, то этот презюмируемый недочет УПК РФ является его недопонятым достоинством, поскольку именно он создает условия для экономии мышления, освобождает практикующих процессуалистов от эвристических экскурсов в глубину и «седину» ключевых уголовно-процессуальных понятий. Складывается впечатление, что УПК РФ намеренно закрепляет готовые формулы-дефиниции для того, чтобы компактно, но при этом нормативно (то есть категорично) констатировать легальное понимание необъятных юридических явлений.

Законодательное понятие доказательств как раз попадает в число таких нормативно определяемых юридических феноменов. Две части статьи 74 УПК РФ отражают факт законодательного признания концепции, согласно которой доказательства есть некий информационный продукт, не ограниченный в содержании, но имеющий жесткие ограничения в части источников, из которых это содержание черпается; закон закрепляет список таких источников. Подобная нормативная конструкция вполне удовлетворяет правоприменителей, в общей массе своей не сильно любопытных до сути понятия доказательств. Для них доказательства это не виртуальный образ, а реальная работа. Поэтому судьи, прокуроры, следователи и дознаватели спокойно перешагивают через нормативное определение, как через банальный эпиграф к тексту практического руководства. Нормативная дефиниция доказательств ничуть не мешает им заниматься жизненным судопроизводством; она не вдохновляет их, но и не раздражает.

А вот процессуалисты-теоретики на усилия законодателя в части императивной констатации дефиниции доказательств обречены реагировать иначе. Их взгляд ревностный и пристрастный. Взгляд, в котором всегда чувствуется привкус вопроса: а по какому методологическому праву эта конкретная теоретическая формула занимает такой высокий нормативный статус? На каких научных основаниях эта формула, за которой маячат вполне определенные персоны юридической науки, взобралась на «нормативный трон»? Именно здесь, рядом с «треном» особенно занудно вибрирует проблема, которую мы с некоторой претензией на парадокс обозначили как — «непонятное в понятии доказательств».

Таким образом, проблема «непонятного в понятии доказательств» в буквальном смысле имеет законные основания и предпосылки. Но само это «непонятное» тоже противоречиво. Оно проявляет себя разными оттенками непонимания. Одним непонятна форма, другим сомнительна суть. Легко распознать процессуалистов, выражающих непонимание частное, придирчиво-вкусное. Они не против законного статуса дефиниции доказательств. Им лишь не нравится редакция. Они воюют за нюансы.

Но есть юристы, непонимание которых приобретает характер глобального отторжения самого подхода, самой техники закрепления подобного понятия в законе. Сила претензий к законодателю черпается не из методологических, а из «топографических» источников. Они полагают, что определению доказательств вообще не место в тексте закона. Их искренне занимает вопрос: зачем понадобилось нормативное понятие доказательств, от которого столько же пользы, сколько от палки, вставленной во вращающееся колесо. Именно эта недоуменная мысль проводится в монографии «Проблемы современного уголовно-процессуального доказательственного права», посвященной памяти нашего Учителя профессора В. Т. Томина. «Любой автор, — пишет И. А. Зинченко и соавторы, — спотыкается о дефиницию понятия «доказательство». Именно спотыкается, а не встречается и причиной тому служат несовершенные формулировки действующего законодательства» [1, с. 13].

Глагол «спотыкается» применен авторами с явно негативным оттенком. Мы же посмотрим на эту метафору нейтрально. Нормативная дефиниция доказательств, на наш взгляд, может быть понята как препятствие, которое заставляет «споткнувшихся» об него исследователей встряхнуться и переключиться в особое состояние сознания. При подобном взгляде остается лишь выяснить: с чем мы имеем дело — со случайной выбоиной на дорожное, небрежно брошенным предметом, или же с целенаправленно и заботливо уложенной на пути искусственной неровностью. Нам представляется, что имеющие место «несовершенные формулировки действующего законодательства» — это не оплошность отдельных авторов, решивших заменить советскую формулу квинтэссенции доказательств — «фактические данные» — постсоветской формулой «сведения».

Мы полагаем, что «несовершенные формулировки» не есть халатность и волюнтаризм амбициозной научной школы, получившей прямой

доступ к подготовке текста закона. Здесь, на наш взгляд, все гораздо глубже, серьезнее и, не побоимся этого слова, таинственнее. Несовершенство нормативной дефиниции понятия доказательств, констатируемое указанными выше авторами, есть внешнее отражение внутренней концептуальной аксиомы, касающейся постулирования понятия доказательств. Суть ее заключается в том, что приемлемая дефиниция понятия доказательств, достойная нормативного закрепления («высечения на камне»), не может быть создана в принципе в силу необъятности самого феномена доказательств.

А недостойная дефиниция, как нетрудно догадаться, не особо и нужна. Впрочем, как полагают отдельные критики, законодательная дефиниция доказательств не нужна вообще. И. А. Зинченко и его соавторы отстаивают позицию, согласно которой в данном определении не нуждается ни право, ни практика [1, с. 19]. Данное определение, как сказал бы наш общий с И. А. Зинченко Учитель В. Т. Томин, не операционально. А раз так, то вполне допустимо признать справедливой позицию тех, кто считает, что самым радикальным средством «усовершенствования» нормативного определения доказательств следует признать беспощадное удаление этого определения из текста уголовно-процессуального закона. Считая методологически ущербной саму идею общего директивного определения понятия «доказательство» и именуя факт включения подобной дефиниции в право не иначе, как «дерзкой новеллой», И. А. Зинченко, А. П. Попов, И. А. Попова, заявляют: «Принципиально наша позиция заключается в исключении из УПК РФ ст. 74 (при условии сохранения всех последующих норм, включенных законодателем в гл. 10 и 11 УПК)» [1, с. 25].

Позиция внятная, но не бесспорная. Мы не будем торопиться примыкать к ней, равно как и осуждать ее. Для начала обратим внимание на уточнение, сделанное в скобках. Оно весьма важно, поскольку авторы, может быть сами того не подозревая, обнаруживают важный нюанс, претендующий на статус методологического правила. Суть правила можно выразить формулой: уголовно-процессуальный закон не обязан закреплять дефиницию теоретического понятия доказательств (теоретические победы нужно закреплять в монографиях); закон обязан устанавливать развернутую технологию доказывания с помощью конкретных доказательств. УПК призван формулировать технологическое понятие доказательств и доказывания. Формулировать через непротиворечивые и ясные

законные процедуры. Иными словами, детализированная правом процедура формирования и использования доказательств как раз и может быть признана таким развернутым понятием-инструкцией.

Без технологического понятия доказательств закон обойтись не может. Думаем, что не может он обойтись и без предваряющего эту технологию перечня доказательств. Подобный перечень в каком-то смысле имеет сакральное значение. Это всегда некая историческая веха, зафиксированная в тексте закона. На заре советского законодательства именно этот перечень и являл собой прообраз нормативного понятия доказательств. Можно сказать, что в статье 58 УПК РСФСР 1922–1923 годов имело место формально-констатирующее определение «доказательств». Содержание этой статьи было компактным и обходилось без вступительной дефиниции: «Ст. 58. Доказательствами являются показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого».

И в этой связи весьма примечательно (и опять же весьма непонятно), что И. А. Зинченко и его единомышленники настаивают на том, чтобы удалить статью 74 УПК РФ целиком, вместе с перечнем легальных доказательств. Логика их в данном случае проста: все легальные доказательства итак закрепляются в конкретных статьях УПК РФ и незачем их анонсировать в отдельном перечне.

От этого «непонимания» мы переходим к следующему. Непонятным нам видится сама настойчивость авторов в желании освободить УПК РФ от «дерзкой новеллы». Подобный подход, который тоже можно оценить как не менее дерзкий, нуждается во взвешенном осмыслении. Необходимо задуматься: насколько подобные предложения сродни безобидной редакционно-косметической операции? Не окажется ли нормативная дефиниция доказательств той «родинкой», которая не может быть удалена без трагических последствий для всего уголовно-процессуального организма? Поэтому прежде чем замахнуть на нее «теоретическим скальпелем» следует, беспристрастно выяснить: зачем понадобилось нормативное понятие доказательств? И почему сам этот подход в нашем отечестве оказался исторически устойчивым.

В науке не раз обращалось внимание на то, что нормативное определение доказательства есть исключительно традиция советского права. Замечалось и то, что в законодательстве

бывших республик СССР эта традиция постепенно преодолевается. Однако здесь для нас важен не факт преодоления этой традиции во все более отдаляющемся от нас (в смысле процессуальных традиций) ближнем зарубежье, а факт ее сохранения на нашей Родине. Первое нормативное определение доказательств (не путем перечня источников, а посредством закрепления важнейших признаков) отмечает свой 65-летний юбилей. За этот немалый исторический период было представлено всего две редакции — первая (1958) и вторая (2001). Причем концептуально эти редакции друг от друга не отличаются. Если непредвзято посмотреть на обе законодательные версии, то можно заметить, что они закрепляют не столько понятие доказательств, сколько саму парадигму современного понимания доказательств, выражающую теоретическую победу в этом вопросе информационного подхода.

Неслучайно, профессор А. Р. Белкин полагает, что в законе была бы более уместна формула доказательств, излагаемая на присущем этому подходу языке. Попросту говоря, предлагается заменить слово «сведения» словом «информация» [2, с. 240]. Само это предложение в рамках сложившейся парадигмы неудивительно. Удивительно и непонятно то, что данное предложение вызвало немало упреков [1, с. 14]. На первый взгляд, критика вполне обоснованная. Но с другой стороны, в сущностном плане термин «информация» не добавляет ни пользы, ни вреда, поскольку доминанта информационного подхода итак нормативно закреплена и уже более полувека непоколебима. Потребность сохранения этой доминанты и определяет живучесть нормативной формулировки. Эта формулировка имеет идеологическое значение. Она, образно говоря, есть «знамя победы» информационной трактовки понятия доказательств.

Вероятно, именно это значение И. А. Зинченко и его единомышленники имеют в виду, когда вслед за своим предложением о ликвидации нормативной формулы доказательств оговариваются: «мы отчетливо понимаем, подобное изменение в современных условиях абсолютно невыполнимо в силу непреодолимых факторов» [1, с. 25].

К сожалению, авторы не дают разъяснение того, о каких факторах идет речь. Но мы догадываемся, что речь идет именно об информационной модели доказательств. Указанная модель явилась концептуальным ядром советской теории доказательств в уголовном процессе. Таковой же она является и для постсоветской

теории доказательств и доказывания. Однако закономерно возникает вопрос: насколько сама эта модель является непреодолимым фактором? И доказала ли она свое право на теоретическую гегемонию?

Не отрицая огромного значения теории доказательств, опирающейся на информационный подход, мы должны сказать, что теория эта не совсем полноценна именно в силу методологического диктата этой информационной парадигмы. Концентрация теории доказательств на сугубо информационных аспектах оставляет за скобками важнейший исторический опыт человечества на пути поиска «царских» средств установления уголовно-судебной достоверности. Причем, постижение и внедрение этого опыта в развернутое исторически-культурное понятие доказательств ничуть не умаляет значения советской теории доказательств. Напротив, беспристрастный исторический и методологический экскурс в понятие доказательств заметно повышает уважение к вкладу советских теоретиков доказательств.

Так сложилось, что в истории науки, как и в истории государств, случаются разрывы, вызванные идеологическими причинами. Наменение построить особый феномен советского уголовного процесса, полностью отрицающий процессуальную технологию царского режима, привело к попытке создать теорию доказательств с условного нуля. Точнее, появилась иллюзия, что новый этап развития науки подарил принципиально новые основания для теории доказательств. Но это, как ясно проявилось позже, была лишь иллюзия. Однако слово «иллюзия» здесь вовсе не принижает современную теорию доказательств. Оно лишь подчеркивает, что исследовательский взор должен быть направлен и в прошлое, и в будущее.

Был период, когда в нас поселилось скептически подозрительное отношение к информационной теории доказательств. И причудилось нам, что желание теоретиков советского уголовного процесса погрузить понятие юридического доказательства исключительно в кибернетическую ауру привело к замутнению этого понятия. Представлялось, что задача обратить доказательства в «фактические данные», в «сведения о фактах», попытки придать термину «факт» целую массу новых значений едва ли пролили дополнительный свет на существо доказательств. Складывалось впечатление, что широкое применение информационного подхода имело своей задачей не вывести понятие доказательств на белый свет нового понимания, а, напротив, погрузить его в густой туман наукообразия.

Впрочем, весьма быстро мы пришли к выводу, что излишнее наукообразие в теории доказательств вовсе не является лишним. Наукообразие здесь как раз и есть окольный путь к истине. Понятие доказательств — это целая Вселенная. И то, что оно оказывается неприступным для короткой дефиниции, вполне закономерно. Понятие доказательств, подобно «Книге джунглей», открывающей свои тайны лишь тем, кто искренне стремится к подлинному пониманию.

И первое важнейшее понимание на этом пути заключается в том, что понятие доказательств представляет собой нечто необъятное, красивое и великое, распахнувшееся на эпохи и растянувшееся на континенты. Такое развернутое по вертикали и горизонтали понятие судебных доказательств, в котором во всей исторической полноте презентуется не столько средства доказывания, сколько методологически оправдывается само право государства на уголовный процесс и наказание, — для искренне любопытных исследователей делает этот юридический феномен неохватным и недостижимым. Та студенческая ясность, которая снисходит на ученика после знакомства со статьей 74 УПК РФ и лекторских комментариев к ней, заменяется исследовательским туманом учителя, в котором внутреннее ментальное зрение напряженно высматривает нечеткие контуры этого понятия. И этот страждущий понимания взор открывает особый извилистый путь в «Книгу доказательств», путь от одного непонятого штриха в понятии доказательств к другому еще более непонятому нюансу; путь к осознанию того, что в этой Книге нет ничего лишнего и второстепенного и в каждой «косточке» предыдущих исследователей, лежащей на обочине пути познания понятия доказательств, есть отблеск великого смысла и подвига.

Полагаем, что пропуск в мир пламенных процессуалистов как раз и лежит через постижение этой «Книги доказательств». Это увлекательное путешествие, которое должен проделать каждый исследователь, дабы прикоснуться к красоте и величию уголовного процесса. И всякий повод для подобного путешествия нужно приветствовать.

Толчком к оживлению нашего внимания к понятию доказательств послужило приглашение на конференцию, посвященную 75-летию профессора А. Ф. Лубина (осень 2021). Данное приглашение застало автора на волне впечатления от изучения старинной книги, очень здорово объяснившей суть розыскного начала. Мы априори полагали, что мудрый предшественник

также четко растолкует нам и понятие доказательств; предчувствовали, что это объяснение покажет, что все информационные наукообразные нагромождения, случившееся в теории доказательств в советский период, лишь навредило ясному пониманию сути этого феномена. От того и тема выступления на указанной конференции была изначально обозначена так: «Понятие доказательств в уголовном процессе: новое это плохо «перелицованное» старое?».

Но предчувствия не оправдались. Для претензий к советской теории доказательств железных упреков не нашлось. В итоге, по результатам конференции появилась статья с другим названием «Понятие “доказательство”: четырнадцать букв, от которых много мук». В прологе к статье мы указали: «Несмотря на то, что на тему научной интерпретации доказательств в уголовном процессе написаны целые библиотеки, что по этому поводу глубокомысленно отметились все известные процессуалисты-академики, окончательной ясности в понятии так и не прибыло. Этому понятию, по мнению тех, кто к нему прикасается научной мыслью, всегда чего-то не хватает. А порой возникает и вполне справедливая мысль: о то ли понятие вообще мы ищем, за тем ли словом гоняемся?» [3, с. 59].

Профессор А. Ф. Лубин в устном комментарии к нашему выступлению заметил, что современная наука не в состоянии наполнить знакомое и понятное слово «доказательство» адекватным смыслом. Но виновата в этом не наука, а слово, поскольку оно есть «сосуд», непригодный для смысла, который в него пытаются втиснуть многочисленные современные исследователи. «Мы изобрели слово “доказательство”, — сказал А. Ф. Лубин, — но, мне кажется, мы не доросли до него, и потому мы не верим ему, и потому ищем систему доказательств, одно единственное доказательство (в единственном числе) не существует».

Реплика профессора А. Ф. Лубина ставит крайне уместный вопрос о соотношении понятий, обозначаемых терминами «доказательство» и «доказательства». Но она же фиксирует и доминирующую мыслительную установку, согласно которой «доказательство» представляет собой лишь элемент системы, отдельный «пазл» более сложной картины. Установки нашего мышления предлагают здесь простейшую схему, согласно которой доказательство есть единичный элемент того множества, которое и именуется доказательствами. Вместе с тем наука и законодатель уклоняются от того, чтобы определить понятие «доказательство».

Не означает ли это, что в уголовном процессе теперь уместно исключительно слово «доказательство» и совсем не к месту термин «доказательство». Может показаться, что слово «доказательство» имеет форму единственного числа, пригодную для применения в логике, где у соответствующего понятия имеется процедурное, а не информационное объяснение? В уголовном же процессе в процедурном смысле более востребовано понятие «доказывания».

Впрочем, гипотеза об исключительно множественном числе слова «доказательства» в контексте уголовно-процессуального права опровергается уже на уровне закона. Несмотря на то, что текст закона имеет дело преимущественно со словом «доказательства», и нормативная дефиниция в статье 74 УПК РФ дается «доказательствам», а не «доказательству», в статье 88 УПК РФ «Правила оценки доказательств» слово «доказательства» индивидуализируется в «доказательство». Здесь законодатель говорит о доказательстве уже в единственном числе: «Каждое доказательство подлежит оценке...». Причем это единственное число подчеркивается в указанной статье неоднократно. Таким образом, слово «доказательство» имеет нормативные право на жизнь.

Большинство исследователей вопрос о том, а возможно ли в принципе это единственное «доказательство» (то, о чем и задавался вопросом профессор А. Ф. Лубин) вообще не заботит. Для них смысловых оттенков в словах «доказательства» и «доказательство» просто нет. И в толстой книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе» эти понятия очень часто пересекаются. Хотя, справедливости ради стоит отметить, что глава «Понятие и классификация доказательств» открывается параграфом «Понятие доказательства». И авторы были нацелены на то, чтобы определить именно то явление, которое именуется термином «доказательство». И это неслучайно, поскольку «понятие доказательства принадлежит к числу основных, исходных в теории доказательств» [4, с. 197].

Однако вопрос А. Ф. Лубина о неперменной множественности доказательств требует теоретического ответа. Так есть ли смысловые оттенки в словах «доказательства» и «доказательство»? Мы полагаем, что эти оттенки имеются. И путь к этим оттенкам как раз и лежит через понятие «доказательство» в единственном числе, поскольку именно оно есть главное в теории доказательств, рассматриваемой в самом широком историческом контексте.

И в этой связи у нас возникло желание обратиться с вопросом: насколько далеко продвинулась в сущностном плане современная теория доказательств (в части интересующего нас понятия) с тех незапамятных времен, когда информационный подход, подхваченный советскими процессуалистами, еще не обрел своей популярности. Захотелось посмотреть, как наши далекие предшественники объясняли суть понятия «доказательства», обходясь без информационных установок. В качестве источника для размышлений мы выбрали репринт книги XIX века Ю. Глазера «Руководство по уголовному процессу», любезно подаренной нам профессором В. В. Сверчковым [5].

Нас заинтересовало, каким образом Ю. Глазер определял «доказательство» полтора века назад. Причем слово «каким образом» подразумевает не только само определение этого понятия, но и путь к нему, методологическую культуру старой процессуальной Школы.

Центральной установкой нашего любопытства выступили все те же две конструкции — «доказательство» и «доказательства». Первое, на что мы обратили внимание: автор активно использует имя «доказательство». Данное предположение само по себе дает понять, что понятие доказательства в уголовном процессе старой Школой не отрывается от понятия доказательства в логике. Ю. Глазер твердо стоит на том, что логические и юридические начала в понятии «доказательство» теснейшим образом связаны, и одно является предпосылкой другого. Это легко заметить даже из того, как он делает общий заход к понятию «доказательство».

«При логической связи двух событий, — пишет он, — обыкновенно говорят, что одно из них составляет доказательство другого, то есть доказательство, доказывает это событие. В этом смысле одно событие называется предметом доказательства, другое основанием, а средства, необходимые для достоверного понятия основания средствами доказательства или просто доказательствами... Доказывать, значит развивать основания справедливости суждений» [5, с. 7].

Уже в одном этом суждении содержатся искорки, которые проливают новый свет на «непонятное в понятии доказательств». Что мы тут видим глазом современного процессуалиста? А видим мы то, что понятие «доказательство» — то самое доказательство в единственном числе — является «посланником» логики, имеющим отношение к рассуждению и связи мыслей.

Во-первых, доказательство есть некое логическое отношение двух событий друг к другу в

рамках определенного целеполагания, когда целью является обоснование реальности существования интересующего события. Целеполагание предполагает предметный интерес и, соответственно, маркировку устанавливаемого события термином «предмет доказательства». Событие, которое помогает установить это событие (то есть доказать его, превратить в факт) — основанием доказательства. Доказывающим событием будет событие, которое установлено по правилам той же логики, то есть признано истинным.

Как видим, сами логические предпосылки дифференцируют понятие доказательства на предмет и основание, одновременно выделяя и особый путь формирования этого основания. Само основание доказательства, не есть какая-то данность. Это тоже (как и предмет доказательства) изначально определенная познавательная задача, нуждающаяся в средствах, позволяющих формировать достоверность этого основания.

Заметим, что Ю. Глазер использует формулу: «средства, необходимые для достоверного понятия основания». Речь идет в первую очередь о понятии. А понятие — это один из основных методов мышления. Поэтому предмет доказательства и основание доказательства — есть логические конструкции, связанные с мышлением. А вот средства доказательства уже выходят за пределы чистой логики в сферу практической деятельности.

Отсюда следует, что доказательство в логическом смысле есть не только результат логического соотношения предмета и основания доказательства, но и сам процесс добывания определенных средств и оперирования ими. И, что особенно важно заметить, средства, формирующие достоверность основания доказательства именуется — доказательствами. Если внимательно присмотреться к приведенной цитате, то можно понять, что основание доказательства собирается из отдельных доказательств.

Закономерен вопрос: «Эти доказательства представляют собой фрагменты общей картины основания доказательства или же являются лишь красками, при помощи которых эта картина рисуется. Что это — пазл, или всего-лишь штрих? Вот в этом плюрализме значений слова «доказательство» и сокрыта «изюминка непонимания». Что таят себе эти формулы — предмет доказательства, основание доказательства, средства доказательства?»

Ситуацию проясняет сам Ю. Глазер. «Таким образом, — продолжает он далее, — доказательство в смысле уголовного судопроизводства, есть совокупность оснований убеждения в

действительности обстоятельства, подлежащего удостоверению, по данному делу» [5, с. 8].

Данная цитата поначалу немного скорректировала наши установки. Мы смотрели на понятие доказательства в контексте цельного уголовного дела. И нам представлялось, что предметом доказательства выступают обстоятельства, подлежащие установлению по делу (предмет доказывания), а основанием доказательства — картина преступления, установленная в ходе расследования и судебного разбирательства, отдельными доказательствами, ссылки на которые есть в обвинительном заключении следователя и приговоре суда.

Изначально нам показалось, что Ю. Глазер говорит о доказательстве немного другим ключом. Нас смутило словосочетание «совокупность оснований убеждения», точнее его созвучие с формулой «основание доказательства». Мы подумали, что в основу доказательства должны быть положены различные основания доказательства. Однако в логическом смысле (как соотношение двух событий) такое основание подразумевается одно. Позже по контексту всей работы Ю. Глазера мы поняли, что под «основаниями убеждения», о которых он говорит в приведенной цитате, как раз и понимаются средства доказательства, то есть доказательства в узком практическом смысле слова.

Итак, какую ясность в понимании доказательства мы имеем в данной точке. Само понятие «доказательство» (в его единственном числе) подразумевает логические основания уголовно-процессуальной деятельности. Именно законы логики является основанием судебного доказательства. В этой связи, вряд ли целесообразно сопоставлять и тем более противопоставлять понятия логического и юридического доказательства. Всякое доказательство имеет отношение к логике. Иными словами, всякое доказательство — есть доказательство логическое, поскольку в качестве неперменного элемента всегда предполагает человеческое мышление; без логической оценки юридическое доказательство немыслимо. Специфика практической деятельности, где используется логическое доказательство, естественно, добавляет нюансов к нему. Поэтому мы можем говорить о судебном доказательстве, как о нечто особенном, отличающемся, например, от доказательства математического. И вместе с тем у каждого практического доказательства есть нечто общее. И это общее даже не логика, а что-то более глубокое.

«Логическое» и «практическое» в судебном доказательстве специфическим образом

взаимодействуют, образуя определенную технологию. Ю. Глазер подчеркивает, что под выражением «доказательство» в уголовном процессе — «надлежит разуметь: 1) средства к удостоверению действительности обстоятельства; 2) способ представления их, доказывание, представление доказательств. Представление доказательств, в свою очередь, распадается на собирание и проверку доказательств (производство о доказательствах, следствие) и на разъяснение значения их (развитие доводов, дедукция) [5, с. 8].

Как видим, понятие «доказательство» подается с разных позиций, объединяя в себе собственно средства доказывания и способ их представления в уголовном процессе. Способ представления доказательств обозначается термином «доказывание». И в последующем говорится (пусть и не буквально) о том, что есть доказывание как познание и доказывание как обоснование. Современники разделяют этот подход, не внося в него ни каких принципиальных изменений.

Понятие «доказательство», представляемое Ю. Глазером, динамично и многослойно. Он постоянно дает нам понять, что это понятие играет разными смыслами. И чтобы как-то эти смыслы развести по иерархии и используются две словесных формулы — «доказательство» и «доказательства». Причем это весьма удивительное и несколько алогичное сочетание. Доказательства в своей совокупности (множестве) и образуют единственное доказательство искомого предмета. И в то же время говорить, что доказательства — это тоже некоторая совокупность доказательств, можно с существенными оговорками, поскольку доказательствами они становятся не сами по себе, а по отношению к тому доказательству, средствами которого они являются. Вероятно, для того, чтобы привести эту путаницу в определенный внятный порядок советские процессуалисты и разработали понятие источника доказательств. Но дальше информационная теория их запутала и не позволила воспринимать понятие «доказательство» системно.

А вот Ю. Глазер от этой системности не отрывался. Это видно и из специфического понимания им оценки доказательств. Он пишет: «Признание, что цель представления доказательств достигнута, что способ доказательства был надлежащий и что доказательство известного предмета находится в наличии (оценка доказательств) [5, с. 8]».

Обратим внимание на то, что оценка представляет собой, кроме прочего, и констатацию

наличия доказательства предмета доказательства. Несмотря на то, что Ю. Глазеру знакомо понятие доказывания (это есть представление доказательств), он оперирует преимущественно термином «доказательство». Установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, с его позиций и есть признание наличия доказательства.

Ю. Глазер разъясняет: «В этом последнем смысле понятие доказательства как результата успешного представления доводов, означает двоякое: 1) что тот, кто должен видеть в определенном обстоятельстве основание своих действий, убежден в действительности этого обстоятельства, а не только считает его вероятным, и 2) что он осознает, что убеждение его покоится на таких основаниях, которые удовлетворяют всеобщим законам мышления и о которых необходимо предположить, что они и в каждом другом лице вызовут тоже самое убеждение» [5, с. 8].

Весьма интересная позиция. Она произвела на нас странное впечатление. Ю. Глазер, несомненно, разбирается в понятии «доказательство», но в ходе его размышлений и объяснений данное понятие начинает расслаиваться и делиться. И в результате мы видим здесь уже, как минимум, три определяемых феномена. Причем эта троица сплетена в очень тесный клубок, который с трудом позволяет четко дифференцировать каждый определяемый элемент. Получается, что понятие «доказательство» в уголовном процессе имеет как минимум тройственную природу.

Но в этом нет ничего удивительного. Эта тройственность опять же объясняется диалектикой взаимодействия логических и практических начал в понятии доказательства. Об этом, в частности, нам говорит и академик М. С. Строгович. В своем авторском учебнике «Логика» (1946) он как раз и показывает, что «доказательство» может быть истолковано тройко. Приведем цитату.

«1) Доказательством называется источник сведений о том или ином факте или, иначе способ, которым устанавливается тот или иной факт... 2) Второе значение понятие доказательства таково. Доказательством называется какой либо факт, из существования которого можно сделать вывод о существовании или не существовании другого факта. 3) Третье значение понятия доказательства состоит в следующем. Под доказательством понимается самое рассуждение, в котором устанавливается истинность или ложность какого-либо утверждения, связь мыслей, приводящая к определенному

выводу относительно истинности данного утверждения. В этом смысле доказательство означает то же самое, что аргументация, то есть приведение доводов в подтверждение какой-либо мысли, доказывание правильности этой мысли. Такое значение доказательства имеет значение в логике» [6, с. 330–331].

Представляется, что указанные выше значения весьма близко перекликаются с пониманием доказательств, предложенных Ю. Глазером. По сути, современная теория доказательств тоже кружится вокруг этих трактовок, пытаясь придать им какую-то автономию. И тем не менее «непонятное в понятии доказательств» никуда не девается. И непонятность эта по-прежнему притягивает к себе исследователей. И в этой связи на память приходит весьма интересная цитата из книги П. С. Таранова: «Удивительное отличается от таинственного, а неясное от удивительного. “Таинственное” действует на подсознание, “удивительное” на разум, а “неясное” обладает завораживающим эффектом (оно одновременно выступает и завлекающим и обвораживающим и формирующим импульсатором нашей тяги к задаваемому кем-то объекту)» [7, с. 37].

Список источников

1. Попов А. П., Попова И. А., Зинченко И. А. Проблемы современного уголовно-процессуального доказательственного права: Пятигорск: «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2019.
2. Белкин А. Р. УПК РФ: нужны ли перемены? Москва: «ИНФРА-М», 2013.
3. Поляков М. П. Понятие «доказательство»: четырнадцать букв, от которых много мук // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России: сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А. Ф. Лубина, Нижний Новгород, 16 ноября 2021 года. Вып. 3. Нижний Новгород: Нижегородская академия

Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 59–65.

4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд. испр. и доп. Москва: Юридическая литература, 1973.

5. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Т. 1. Кн. 2. Санкт-Петербург: «Типография правительствующего Сената», 1886.

6. Строгович М. С. Логика. 2-е изд. Москва: УРСС, 2004.

7. Таранов П. С. Методы 100 %-ной победы: Мanners поведения; Логика риска; Зигзаги общения. Симферополь: «Реноме», 1997.

References

1. Popov A. P., Popova I. A., Zinchenko I. A. Problems of modern criminal procedural law of evidence: Pyatigorsk: “Advertising and Information Agency on the CMV” Publ., 2019. (In Russ.)
2. Belkin A. R. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Are Changes Necessary? Moscow: “INFRA-M” Publ., 2013. (In Russ.)
3. Polyakov M. P. The concept of “proof”: fourteen letters, from which there is a lot of torment. Forensic and criminal procedural means of ensuring the economic security of Russia: Collection of articles on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation A. F. Lubin, Nizhny Novgorod, November 16, 2021. Issue. 3. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2022. Pp. 59–65. (In Russ.)
4. Theory of evidence in the Soviet criminal process / ed. by N. V. Zhogin. 2nd ed., correct. and add. Moscow: Legal Literature Publ., 1973. (In Russ.)
5. Glazer Yu. Guide to the criminal process. Vol. 1. Book 2. St. Petersburg: “Printing house of the ruling Senate” Publ., 1886. (In Russ.)
6. Strogovich M. S. Logic. 2nd ed. Moscow: URSS Publ., 2004. (In Russ.)
7. Taranov P. S. Methods of 100 % victory: Manners of behavior; The logic of risk; Zigzags of communication. Simferopol: Renome Publ., 1997. (In Russ.)

Информация об авторе

М. П. Поляков — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. P. Polyakov — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 20.08.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 20.08.2023; accepted for publication 10.09.2023.